

Стоило отворить заднюю дверь, как в глаза бросился сияющий во всей красе Ли Сяньфу.

— ...

Ладно еще сияние, но от него буквально отскакивал свет, прилегая словно отдельный ореол. Это смотрелось уже чересчур.

Цинь Цзинь со вздохом спросил:

— Это еще что за представление?

— Отец устроил мне свидание вслепую.

Цинь Цзинь уточнил, добавив определение:

— Свидание, от которого ты не можешь отказаться.

Ли Сяньфу медленно открыл глаза, упомянул историю со школьным альбомом и под конец добавил:

— Не то чтобы совсем не могу.

Достаточно было бы просто взять номер телефона. Однако некоторые вещи по телефону не объяснишь, а при личной встрече, наблюдая за мимикой и реакцией человека, можно узнать куда больше полезного.

Подумав об этом, он спонтанно решил присмотреться к выражению лица Цинь Цзиня.

...Никаких отклонений не заметил.

— На какой день назначена встреча? — спросил Цинь Цзинь.

— Через неделю. Ши Цань только вернется в страну, говорят, в последнее время она очень занята.

— Эту неделю ты будешь очень занят.

— Хм?

— Судя по привычкам твоего отца, он захочет ковать железо, пока горячо, и за эту неделю устроит тебе еще несколько встреч.

Ли Сяньфу взвесил его слова и согласился, что такое вполне вероятно.

Тетя Чжан позвала к ужину. Ли Сяньфу и Цинь Цзинь один за другим вернулись в дом. За их спинами кружились опавшие листья, контрастируя с пышно цветущими растениями, но вместе образуя единую живописную картину.

Жаль только, главный художник семьи сейчас был не в том настроении, чтобы браться за кисть. Ли Сяньфу сидел за обеденным столом и выслушивал бесконечный поток рекомендаций от Старика Ли, нахваливавшего очередных кандидатов.

Остальные боялись, что огонь со сгоревших городских ворот перекинется на них, а потому не вмешивались. Ли Хуайчэнь не без эгоизма радовался: раз уж весь прицельный огонь сватовства

сосредоточен на младшем брате, у него появится передышка.

Ли Сичунь тоже выглядел облегченным.

Ли Сянфу, не желая перебивать наставления старшего, неожиданно кивнул:

— Хорошо, я пойду.

Увидев такую покладистость, Старик Ли остался чрезвычайно доволен.

После ужина Старик Ли поднялся к себе. Ли Сичунь с подозрением спросил:

— С чего ты вдруг стал таким послушным?

Ли Сянфу отложил палочки и изрек житейскую мудрость:

— Лучше направить поток, чем ставить преграду. Решить проблему раз и навсегда.

Сидевший рядом Ли Шаша наблюдал вовсе не за Ли Сянфу — его внимание было приковано к Цинь Цзиню. Дождавшись, когда все встанут из-за стола, он окликнул Цинь Цзиня:

— Папа идет на свидание, а ты даже не злишься?

— У него есть свои причины, — ответил Цинь Цзинь.

Судя по фразе Ли Сянфу, тот наверняка придумал способ раз и навсегда избавиться от назойливого сватовства.

— ...

Глядя, как Цинь Цзинь выходит во двор, Ли Шаша подхватил с дивана кота Хунчэня и пробормотал себе под нос:

— И почему все такие буддисты? Они что, сами напрашиваются на измену?

.

Свидания Ли Сянфу продолжались дня три-четыре. Старик Ли организовывал встречи с детьми своих друзей и пристально следил за успехом. Однако постепенно улыбка сползла с его лица.

— Старик Ли, моя дочка, как вернулась, только и твердит, до чего потрясающе танцует твой сын.

После этих слов на обоих концах провода воцарилось молчание. Со времени приватного банкета Су Тао за Ли Сянфу закрепилось прозвище «электрический волчок».

Родитель девушки про себя подумал: уж не ослепла ли дочка от романтической дури? После истории с Ли Тантан, о которой шумел весь круг, многие в обществе до смерти боялись, как бы их чадо не превратилось в нечто подобное.

— Думаю, дочка еще мала, рановато ей о браке думать, — продолжал родитель. — Я решил больше не мешать ей поступить в докторантуру. Пусть учится, образование никому не вредило.

По крайней мере, не будет нагло врать из-за человека, которого видела один-единственный

раз.

На следующий день родители другой кандидатки после разговора с дочерью выразили примерно ту же мысль.

Когда Ли Сянфу в третий раз похвалили за «невероятный, восхитительный танец», Старик Ли не выдержал, подозвал его к себе и уставился на него с озадаченным видом:

— Ты что, каждый день за обеденным столом пляшешь?

— После еды, на площади.

— ...

— Если любишь человека, надо принимать его целиком, — заявил Ли Сянфу. — Я просто демонстрирую себя.

Старик Ли не знал, что перед своими спутницами Ли Сянфу исполнял обычный классический танец, собиравший аплодисменты случайных прохожих.

Поскольку сам глава семейства лишь дважды видел танцы младшего сына, его мысли пошли по ложному пути. Свобода любви — это, конечно, хорошо, но надо же искать девушку с нормальным зрением! А если она с порога захваливает его пляски, не замышляет ли чего недоброго?

Хотя бы честной быть можно?

Или слово «потрясающе» было саркастической насмешкой?

— Если больше ничего нет, я пойду к себе, — произнес Ли Сянфу.

Старик Ли остался один размышлять на диване. Дома больше никого не было, поэтому он позвонил Ли Аньцину и попросил его спуститься, после чего пересказал отзывы о свиданиях Ли Сянфу:

— Почему так трудно найти честную девушку с хорошим зрением?

— Мелко мыслишь, — ответил Ли Аньцин.

— Что?

Ли Аньцин взглянул на часы и ненадолго присел с ним на диван. В тот момент, когда вошел Цинь Цзинь, Ли Аньцин неожиданно спросил:

— Что ты думаешь о танцах Сянфу?

Цинь Цзинь, не задумываясь, ответил:

— Потрясают.

Старик Ли невольно посмотрел на него с одобрением. Неудивительно, что этот человек построил такой крупный бизнес: сказать правду так, чтобы она звучала как похвала, — в этом и заключается высокий эмоциональный интеллект!

В последнее время его отношение к Цинь Цзиню постепенно менялось. Окончательно пав духом в попытках женить Ли Сяньфу, Старик Ли поддался порыву, достал недопитую бутылку вина и предложил:

— Давай, выпьем по бокалу.

Цинь Цзинь, которого в семье Ли никогда особо не жалели теплом, немного растерялся, но подошел.

Красная жидкость полилась в бокал, заполняя его почти до краев и лишая напиток бывшего изящества подачи.

Старик Ли размашисто поднял бокал, махом осушил его и расплылся в улыбке:

— Раньше у меня было к тебе полно предвзятости. Этот бокал — мое извинение.

Затем он налил еще один и собрался чокнуться.

— Одного вполне достаточно, — сказал Цинь Цзинь.

— И еще один за мной! Смех да и только: ведь раньше я грешным делом думал, будто вы с Сяньфу влюблены друг в друга! Я столько сил потратил, чтобы себя убедить... А оказалось, вы ездили на гору Юйвэн, чтобы попросить счастья для Су Тао и ее жениха... Ха-ха-ха!

Он хохотал, закидывая голову назад, но, увидав выражение лица Цинь Цзиня, споткнулся на полуслове и застыл:

— Ты чего не смеешься?

— ...

Как он мог смеяться?

Примечание автора:

Цинь Цзинь: «Оказывается, я когда-то получил одобрение родителя?»

Вопрос дня: Сколько же он упустил?

В конце концов Цинь Цзинь лишь слегка кривит губы. К счастью, напротив него за столом сидел Старик Ли; попадись кто другой, эта усмешка вполне могла бы напугать до полусмерти.

На самом деле сарказм в его улыбке предназначался по большей части ему самому и тому прошлому, которое было упущено из-за Цинь Цзяюй.

Морщины на лице Старика Ли еще не успели разгладиться после смеха, но, едва он заметил, как Цинь Цзинь нахмурился, веселье в его глазах угасло.

Цинь Цзинь упустил многое, но и Старик Ли в свое время упустил немало деталей.

Опорожнив бокал, оба погрузились в отрывочные воспоминания, и больше никто не произнес ни слова.

Стоит человеку зацепиться за что-то взглядом, и отвлечься становится почти невозможно.

К вечеру Старик Ли сжалился над уставшим Ли Хуайчэнем, вернувшимся из компании, и позвал на прогулку Ли Аньцина.

Управляющая компания загородного поселка брала немалые деньги, но и сервис обеспечивала отличный: с самого утра на клумбах высадили новые сезонные цветы.

Даже не взглянув на покачивающиеся на ветру бутоны, Старик Ли спросил напрямую:

— Что ты думаешь об отношениях твоего брата и Цинь Цзиня?

— Один рад бить, другой рад терпеть.

Старик Ли яростно уставился на него:

— Хватит паясничать! Говори правду.

Ли Аньцин давно заметил флер едва уловимой двусмысленности между этими двоими. Однако он не собирался душеспасительно убеждать отца смириться или задвигать речи о том, что любовь не знает преград. Человек прожил полжизни, и если ему нужно изменить укоренившиеся взгляды, он должен дойти до этого сам.

— Наше поколение уже выросло. Ваш следующий объект для воспитания — Шаша.

Веки Старика Ли дрогнули:

— Ты предлагаешь мне переключить внимание?

— Я учу вас, как прийти к согласию с самим собой.

— ...

Вернувшись в коттедж, Старик Ли с мрачным лицом направился к лестнице, но перед тем как подняться, бросил Ли Аньцину холодную ухмылку:

— Ну ты и молодец.

Ли Сяньфу поинтересовался:

— Что с отцом?

— Просто срывает злобу, — ответил Ли Аньцин. — Сейчас он злится на меня.

Если бы тогда все выложили напрямик, вспыхнул бы грандиозный скандал. А так отец лишь тихо побурчит себе под нос — вполне выгодная сделка.

Ли Аньцин любил дразнить новорожденного котенка. Остановившись у домика Хунчэня, он внезапно повернулся и произнес:

— Не за что.

— ...

Ли Сяньфу застыл: он вообще говорил «спасибо»?

.

С тех пор как в душе зародились сомнения, Старик Ли стал с особым вниманием следить за любым взаимодействием между Ли Сянфу и Цинь Цзинем. Он то и дело делал вид, будто расхаживает по гостиной или двору, а сам косился на них обоих.

Этим утром Ли Сянфу не стал играть на цитре. Раньше обычного переодевшись в уличную одежду, он открутил кран и принялся поливать цветы.

<http://bllate.org/book/18300/1757380>